

РАНИОН
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА

**Прилагательное *хороший* и его производные
в русском языке.**

Для слова *хороший* не указано верных сородичей в показаннях индоевропейских языков; этого родства у слова с индоевропейскими языками и не существовало. Нет у слова родни и в иных языках славянской ветви. Это не ускользнуло от наблюдения еще Шафарика.¹ Слово, действительно, вовсе неизвестно ни в западно- ни в южно-славянских языках.² В этом отношении слово справедливо считается специфической принадлежностью одной русской языковой ветви.³

Однако, утверждая принадлежность слова одной русской ветви, приходится как-то ограничительно толковать это положение. Следует именно обратить внимание на не одинаковую распространенность слова в отдельных русских языках. К сожалению недостаточная лексикологическая разработка русского языка в целом не позволяет решительнее говорить об этом. Можно во всяком случае отметить слабую распространенность слова (или вообще образований от интересующей темы) в белорусском языке, большую распространенность слова в южнорусском и еще большую — в великорусском языке. Так, в белорусском языке, судя по старому (1870 г.) словарному изданию

¹ См. ниже указываемую статью Корша (Моск. Унив. Изв. 1867).

² У Линде, а за ним и в *Słown. jęz. pol.* I, 294, слово приводится лишь в единичной пословице (*každy chorosz za swój grosz*) и правильно трактуется как украинизм (Miklosich, *Et. Wb. d. sl.* Spr. 89).

³ Н. Н. Дурново, *Введ. в ист. русск. яз.* I (Врно 1927), 104.

Носовича, значитса лишь образование *хорощыцца*; в современном издании белорусского словаря¹ дается то же слово *харашыцца*, а кроме того еще два образования — *хараствó* и *харашу́ха*. Таковы все показания белорусского языка. В южнорусском, в частности в украинском языке, производных образований от темы больше. По Гринченко здесь известны и собственно прил. *хорóш*, *хорóший*, равным образом наречные формы *хóроше* и *хорóше*, также *хорощенько* (все слова почти исключительно в народно-поэтической речи), но кроме того ряд производных образований — существ. *хорощень* = красавец (в пословице) и *хорóство*, прил. *хорощувáтий* (из Черк. у.), глаголы *хорощи́ти*, *хорощи́тися*, *похорощувáтися*, *хорощи́ти*; ср. еще существ. *хорощика* (растение *Cucurbita Pepo* L., тыква), если это образование от той же темы. Великорусский соответственный материал, сравнительно с приведенным белорусским и малорусским, производит впечатление и большего богатства и большей распространенности. В литературном русском языке уже в старейшем издании академического словаря (1789 г.) значатся слова *хорóший*, *хорóшенький*, наречные формы *хорóш*, *хорощенько*, даже *хорощонько*, далее отвлеченное существительное *хорощство*, наконец, ряд глагольных образований — *хороще́ть*, *похороще́ть*, *охорощивáть*, *охорощивáться*. Ко времени Даля этот круг слов в литературном обороте расширился немного. Ср. у Даля глаголы *хорощи́ть*, *хорощи́ться*, а также ряд производных образований от темы, осложненной префиксами *о-* и *при-*, в роде *охорощи́ть* и др., *прихорощивáть* и др. Следует заметить, что у Даля приведено еще несколько иных образований от темы *хорощ-*, иногда с указанием принадлежности их областной речи, в большинстве же случаев без этого рода указаний, т. е. как бы нормальных для литературной речи. Но при проверке этого материала при помощи областных источников, в значительной части бывших в распоряжении Даля, не трудно убедиться в том, что этот дополнительный

¹ М. Байкоў і С. Некрашэвіч, Беларуска-расійскі слоўнік, Менск 1925.

лексический материал составлял принадлежность не литературного языка, а отчасти просторечия, отчасти областного языка, при чем в известной мере сам Даль его расширил, опираясь на общие принципы русского словопроизводства. Таковы в словаре Даля производные образования женского рода от прил. *хороший* (со значениями — красавица, любовница и под.) — *хорошѣха*, *хорошѣха*, *хорошѣтка*, *хорошѣточка*, *хорошѣля*, *хорошѣлька*; далее — прил. *хорошавый*, откуда и существ. *хорошава*, также *хорошавки* (сорт яблок);¹ существ. *хорошай*,² откуда и *хорошайка*; *хорошѣль* Яросл. г. (круглый пирог, курник); *хорошеѣмиться* Северн.³ Такова вся наличность великорусских образований от интересующей темы ко времени Даля. Эта наличность в отношении лексики, принадлежащей литературному языку, и к настоящему времени сохраняется вообще без изменений, без убывания, но и без приращения.⁴ Но замечательнее то обстоятельство, что в народном обиходе отмеченный круг слов также не повысился в своем употреблении, а может быть даже пошел на убыль. Можно отметить по крайней мере, что ряд словарных изданий по областному языку нашего времени, последних десятилетий, почти не дает указаний на жизненность этих слов в народной речи. Так в многочисленных известных словарных изданиях нашего времени, в роде Подвысоцкого и Куликовского (по Арханг. и Олон. губ.), Васнецова и Зеленина (по Вятской губ.), Волоцкого и Якушкина (по Яросл. губ.), Соловьева (по Новгород. губ.), Будде (по Орловской и Тульской губ.), Чернышева (по Моск. губ.), Богораза (по Колымской области) и многих других,

¹ Ср. *хорошавки*, Симб. губ. (Опыт обл. слов.); позднейший наблюдатель указывает для Симб. у. форму слова *хорошава* (Мотовилов, Симб. мольв, 81).

² Ср. *хорошай* в Осташ. у. и Псковской губ. (Доп. к Оп.).

³ То же указывается Опытом обл. слов. для Кемского у.; позднее это указание подтверждается для Арханг. губ. (Подвысоцкий).

⁴ Впрочем, можно было бы указать на «новое» образование — существ. *хорошесть*, если бы оно не было слишком искусственным словом. Слово, и именно как искусственное образование, попало у Мамина-Сибиряка: *Получалась слишком отвлекенная «хорошесть»...* (Весенн. грозы, 209).

почти отсутствует лексика с интересующею темой *хорош-*. Как раритеты, напр., встречаются здесь указания на слова *хорошество* в Моск. у. (по Черныш. Свед. 160; пример в поговорке: *этот сон к худу, этот к хорошеству*), *хорóший* в Болх. у. (пример также содержится в поговорке: *хорошему естю особое место*, Сахаров, 44); те же лишь два слова указываются еще в Смол. губ. (Добровольский, 965). Все это позволяет сделать предположение о том, что вообще слово *хороший* было чуждо живой великорусской лексике. Однако слово является живой принадлежностью литературного языка. Очевидно, следует думать, что слово из литературного оборота проникло в народную речь, не оказавшись здесь особенно живучим элементом языка. С другой стороны, очевидно, в самом литературном языке слово оказалось принесенным изчужа, т. е. остается думать, с юга, от южноруссов.

Что источник великорусского слова *хороший* — литературный, ясно из сказанного о случайности и малочисленности соответственной лексики в непосредственном областном языке. В обороте «безыскусственной», живой народной речи, очевидно, не было и нет слова *хороший*; не даром здесь мы встречаемся с рядом иных его лексических эквивалентов — со словами *ладный, добрый, красный, баской* и мн. др. С другой стороны в «искусственной», поэтической народной речи, в песнях, сказках, пословицах и пр., слова возможны для употребления. Вот несколько примеров из песенного языка:

А во *хброшом-хброшом* да во Червнiгoрoди (Григорьев, Арханг. был. III, 425).

А да веселую весточку *харошую* (sic! с аканьем!) Там же, с. 196.

У этой у вдовушки дочь *хороша* (Соболевский, Великор. нар. II, III, 370).

С нами девушками *хорошо*,

С молоденькими весело (Истомин, Песни рус. нар. 167).

Волоса-кудри *хорошеньки* (Соболевский, V, 586).

Что велит ли, моя радость,

Хорошоохонько ходити. (Там же, с. 189).

Девушка хоро́шится,

Белится румянится. (Там же, II, 18 и VII, 643).

А я хорошества, горюшица, не знаюцца (Барсов, Причит. II, 145).

То же в поэтической прозе, напр. в сказках: Я не судна тем девкам, которые у нее служат, красотою и хорошеством. Афанасьев, Сказки, IV, 559; пойду, куплю цеву-нибудь хорошенково. Б. и Ю. Соколовы, Сказки, 219; вот он афицером служит хорошоохонько — жалованье полуцает хорошее. Там же, с. 225; см. еще выше примеры на сл. *хороший*, *хорошество* в поговорках и пословицах. Этот, на удачу взятый, материал говорит сам за себя. Понятна жизненность здесь интересующей лексики. Она жизненна постольку же, поскольку здесь жизненны и многие иные архаизмы, обязанные сложным прошлым связям с старыми книжными влияниями. Именно это соотношение безыскусственной народной живой речи, не знающей интересующей лексики, и художественного народного языка, не чуждающегося этой лексики, говорит за общий книжный, литературный характер происхождения данной лексики.

Что слово *хороший* в великорусском есть пришелец извне, и именно есть южноруссизм, говорит живая наличность этого слова и относительная его распроетраненность как раз в южнорусском. Интересны свидетельства древних памятников о слове. По рукописям слово известно с XIII века. Встречается слово лишь в памятниках оригинального русского происхождения, или переводных, но переведенных на непосредственно русской почве. Вот соответственный материал по Словарю Срезневского: прил. *хорошии* — свидетельствуется Пандектами Никона Черногорца (по Чуд. списку XIV в.) и Житием Стефана Пермского; нар. *хорошо* — известно из Описания Флоренции (по Русск. Летописцу Коттон. библотеки); прил. *хорошавъи* — свидетельствуется Пандектами Никона (в сп. 1294 г.); существ. *хорошаник* —

встречается также в Пандектах Никона. Из приведенных источников житие Стефана Пермского (+ 1396) и описание Флоренции являются оригинальными русскими литературными произведениями: первое составлено «премудрым» Епифанием в половине XV века,¹ второе сочинено кем-либо из свиты митроп. Исидора во время его поездки на собор (в 1437 году).² Что касается Пандектов Никона Черногорца, то этот памятник принадлежит к числу тех немногочисленных переводных произведений, перевод которых был сделан именно на Русь.³ Древнейший список Пандектов Никона содержится в рукописи XII в. (так называемый Яросл. список). Самая деятельность Никона Черногорца относится ко второй половине XI в.⁴ Можно думать, что русский перевод Пандектов был приблизительно современен деятельности Никона или во всяком случае не далеко отстоял от этого времени. Его можно отнести к концу XI — началу XII века. Перевод производился в одном из культурных центров тогдашней Руси, т. е., очевидно, где-нибудь в южной Руси. Эти соображения таким образом совпадают с общим предположением о первоначальном южно-русском происхождении интересующей лексики.⁵ Встре-

¹ Пыпин, Ист. рус. лит. I, 310.

² Востоков, Опис. Рум. М. 338.

³ Соболевский, Мат. и иссл. 167 (Сборн. II Отд., т. 88, № 3); Сперанский, Ист. др. руск. лит., изд. 3, с. 279.

⁴ См. об Никоне у Горского и Невоструева, Опис. слав. рkp. М. Синод. Б., II, 3, стр. 38 и след.

⁵ Замечательно, что от темы *хорош* — имеются различные образования, выступающие в качестве географических наименований, при чем подавляющее большинство всех этих названий отдельных селений, озер и урочищ падает либо на собственно территорию южной Руси, либо на иные области с позднейшей южной колонизацией. Таковы (по Геогр.-стат. словарю П. Семенова, т. V, 530, и Спискам нас. мест по отдельным губ.): 1) *Хороше-озеро* — село Борзенского у. Черниг. губ.; 2) *Хорошево* — а) местечко Новомоск. у. Екатеринос. губ. (при р. Татарке) и б) село Харьк. у. (при нем — *Хорошево-Вознесенский монастырь*); 3) *Хорошенское* — название двух сел Самар. у. при р. *Хорошеньке*; 4) *Хорошенское озеро* — озеро в Барнаульском окр. (Томской губ.), на нем д. *Хорошенская*, или *Хорошая*, или *Хорошее озеро*; 5) *Хорошилово* — село Нижнедев. у. Ворон. губ. (при р. Котле); 6) *Хорошки* — название трех сел — одного в Кобелянском у. Полт. губ. (при р. Псле) и двух в Лубенском у. той же губ. (одно село при р. Суле, другое при р. Слепороде). Особняком еще стоит назв. *Хорошево* — село Моск. у.

чаясь же с этой лексикой, и в частности не только со словами *хороший*, *хорошо*, но и с дальнейшими производными от них образованиями, как *хорошавыи* и даже отвлеченным существ. хорошаник, в памятнике по сложению XII в., мы вправе сделать заключение, что слово было уже живым в языке ранее этой поры. В этом смысле позволительно считать слово существовавшим в языке, в известных группах южно-русских племен, уже в донсторическую пору. Каково же здесь было его происхождение?

О происхождении слова *хороший* было высказано несколько предположений, но ни одно из них не позволяет считать этимологию слова вполне разрешенной. Можно было бы не упоминать о взгляде на слово Даля,¹ который (правда, вопросительно) ставил его в связь с темой *крас-*, в частности с сравн. ст. прилагательного *красне*, **красне(?)*, если бы этот же взгляд не был позднее повторен с посылкой лингвистической аргументацией Коршем. В соответственной специальной статье² Корш именно высказывает предположение, что в слове *хороший* — полногласная форма сравн. ст. прил. *красный*, т. е. согласно Коршу первоначально форма звучала в виде *короший* вм. *красный*, ср. средний род от последней формы *красне*. Несоответствие в характере начального согласного Корш объясняет изменением первоначального *к* в *х*, вызванным влиянием последующей плавной, — явлением, которое Корш иллюстрирует и иными фактами как из славянских, в частности русского, так и из иных языков (напр. русск. *хлопот-* и малор. *клопот-*, также в чешском и польском, или русск. *хлобучить* и *клобук*, *хрест* и др. и *крест*, и проч.). Как бы ни относиться к данным последних фактов, нет нужды доказывать самую неприемлемость для нашего времени этого объяснения интере-

См. еще об этом у Барсова (Слово о полку Игореве, т. I, с. 362—363), который во всей этого рода (по Барсову «безчисленной») географической номенклатуре усматривает отражение имени божества Хорса.

¹ Даль заимствовал этот взгляд, вероятно, из Этимол. Словаря Рейфа 1835 г.

² Заметка о слове «хорошо», см. Моск. Унив. Изв. 1866—1867 (№ 12), с. 1250—51.

сующего слова. Следующая попытка этимологии слова, после Корша, была предложена Ягичем.¹ Мнение Ягича выросло на основе показаний древне-русского памятника, Пандектов Никона, в двух списках — старейшем XII в. и более позднем XIV в. В соответствии с показанием древнейшего списка Пандектов во фразе — нѣкѣи приде къ нѣкоѣмоу братоу и видаше келию кѣго не похороненоу и не пометеноу — в позднейшем списке XIV в. слова не похороненоу и не пометеноу читаются в виде не хорошо ни пометеноу. Это привело Ягича к мысли, что темы *хорон-* и *хорош-* фонетически адекватные темы. Т. е. в слове *хороший* по мнению Ягича содержится основным элементом та же тема *хорон-*, которая имеется в глаголе *хоронити* или в прил. *хороньнъ*. И как при рѣдѣкъ, аргументирует далее Ягич, имеется прорѣха, при отрубн — отрух и др., так при *хороньнъ* могло существовать имя существительное *хорохъ*, между прочим, и сохранившееся в диалектическом (белор.) глагольном образовании *хорохонница*. Таким образом *хороший* было бы адъективным соответственным образованием к *хорохъ*, ср. при *пѣхъ прилагательное *пеший*. Прилагательное *хороший* при этом рассматривается Ягичем как уменьшительное и ласкательное образование, подобное русским многочисленным случаям в роде *барашек* при *баран*, *гребешок* при *гребень*, *ладоша* при *ладонь*. Особенно близкую параллель к *хорошить*, объясняемую из **хороношить*, *хоронить*, Ягич видит в глаголах *гошить*, *нагошить* и др., которые выводятся из *гоношить* и проч. Таково объяснение Ягича. Оно могло быть высказано полвека назад. Для настоящего времени оно звучит слишком искусственно и наталкивает на ряд возражений. Таково основное предположение об исконном имени существительном *хорохъ*, наличие которого однако совершенно проблематическая и вовсе не оправдывается показанием славянских языков. Белор. *хорохонница*, конечно, есть

¹ Das russische Adj. *хороший*, Archiv für slav. Philologie, Bd. V, 1882, с. 282—284.

фонетическое новообразование к *хорохориться*¹ (с изменением в результате диссимиляции плавных), которое содержит в корне удвоенное *хор-хор*, никак близко не связывающееся с темой **хорн-*, имеющеюся в хоронити (хранити). Неясна далее с семаспологической точки зрения возможность образования прилагательного на -*ю-* к имени существительному **хорохъ*. Сомнителен также параллелизм образований хорошь: хорохъ с образованиями *барашек*: *баран* и пр., так как в последнем ряду параллелей производные образования существительных же от существительных. Наконец, совсем неприемлемо выведение *хорошить* из **хороношить*, как и *гошить* из *гоношить* и под. Все это делает понятной полную неудовлетворительность для нашего времени этого Ягичевского объяснения слова. Впрочем, можно сказать, что объяснение Ягича не нашло себе сторонников и в ту пору, когда было еще свежим объяснением. Так Миклошич никак не отозвался на это объяснение Ягича, своего ближайшего ученика, и предпочел в своем Etymol. Wb. d. slav. Sprachen (1886 г.) совершенно оставить открытым вопрос о происхождении слова, ограничившись в соответственном месте одним приведением фактического материала, относящегося к употреблению слова. В последующей этимологической литературе слово получило еще новую трактовку у Горяева. Горяев считает² слово индоевропейским по происхождению. Он именно ставит слово в связь с одной стороны с ст.-слав. х а р ь,³ укр. *харний* и *гарний*, болг. *харен*, с другой стороны с греч. *χάρις*, лат. *gratia*, др.-инд. кор. *ghag-* и *ghra-*, сюда же относится осет. (прон.) *хогз* и др. С этим объяснением нельзя согласиться по ряду оснований. Греч., лат. и т. д. параллели заставляют ожидать в славянском в начале слова согласного *г*, не *х*. Неясно, далее, значение суффикса, каковым должен бы явиться в русском слове элемент *-ош-*. Наконец, несогласные показания ст.-слав., болг. и укр. языков

¹ Эта форма также известна безор. языку.

² Ср. Этим. слов. русск. яз. 401, также прил., стр. 5.

³ Последнее слово известно лишь из памятников сербского извода.

с одной стороны, русского языка с другой стороны, расходящихся в огласовке гласного элемента корня (там *хар-*, здесь *хор-*ошій), а также наличие двойственной формы в украинском *харний* и *гарний*, все это препятствует объединению лексики в смысле признания общности ее исконного происхождения. В этом отношении еще Потебня, а далее и Миклошич, правильно считали как укр. *харний*, *гарний*, так и отмеченные инославянские параллели, заимствованием из греч. *χάρις*. Это мнение считается в настоящее время общепризнанным.¹ Между прочим, не только укр. *харний*, *гарний* и прочие приведенные инославянские параллели выводились из греческого языка, но и русское *хороший* пытались объяснять как заимствование из греч. *χαίρων* (ближайшим образом из прич. *χαρίζεις*). Так смотрел на русское слово *хороший* Шафарик, а за ним и Потебня. Нет необходимости доказывать, что и общие исторические, и фонетические соображения противятся такому взгляду на происхождение русского слова.

По вопросу о происхождении слова *хороший* было высказано еще одно предположение, утверждающее его связь с известным именем представителя древне-русского Олимпа — Хорсом. В виду неудовлетворительности всех представленных выше попыток объяснения слова, это предположение следует признать наиболее правдоподобным. К сожалению это предположение таково, что не может еще быть в данный момент строго аргументировано. Дело в том, что нет до сих пор принятой этимологии самого слова *Хорс*, и в этом смысле предположение о связи слова *хороший* с именем *Хорса* подпадало бы несколько под формулу объяснения неизвестного посредством также неизвестного. Впрочем, дело с именем *Хорса* не так безнадежно, и известные перспективы для объяснения этого слова имеются. Нет необходимости перечислять все попытки объяснения имени *Хорса*, а этих попыток было очень много. Достаточно вспомнить некоторые из них и к тому же

¹ См. Фасмер, Гр.-слав. эт. 218; Verneker, Sl. et. Wb. 385; Преображенский, Эт. сл. русск. яз. I, 119.

принадлежащие относительно близкому к нам времени. В этом отношении следует указать на стремление одних ученых осветить этимологию слова с точки зрения индоевропейского его происхождения. Все этого рода попытки ученых одинаково неудачны. Таковы мнения Гедеонова о связи слова с греч. *κόρος* или *κοῦρος*, или Крек'а о родстве имени Хорса с славянским корнем *кръс-*, *кръс-*, или Горлева, предполагающего в слове исконный корень *sur-*, *svag-*, светить (ср. др.-инд. *svag*, зенд. *hvae* и др.), или Брюкнера, видящего в слове исконный общеславянский корень *кърс-* (ср. чеш. *kršati* и др.).¹ Все эти объяснения представляют затруднения с фонетической стороны, в частности оставляют непонятной наличность начального *x* в имени Хорса. С другой стороны, так как нет данных полагать, что Хорс, как божество, составлял принадлежность мифологии индоевропейской, или общеславянской, или даже общерусской (ибо есть основания предполагать, что имя Хорса было известно лишь в группе южно-русских племенных объединений), то вряд ли правильно в объяснении происхождения слова отправляться от таких отдаленных эпох, как индоевропейская или общеславянская и т. д. И как раз можно наблюдать, что последнее время, последние десятилетия, мысль ученых, в поисках этимологии слова, исходила из предположения, что имя Хорса не есть ни исконно-славянское, ни тем более индоевропейское имя, а есть имя относительно позднего и иноязычного происхождения. Нельзя не признать правильности этой отправной точки зрения во взгляде на прошлое имени Хорса. Весь вопрос таким образом состоит лишь в подыскании верного источника нашего слова, как слова заимствованного. В этом направлении уже сделано несколько попыток указать на источник слова. Должно признать неудачным объяснение слова Леже, усмотревшего в имени Хорса простое отражение греч. *χορρός*, как обозначения греческими мастерами, каких в старое время в Киеве

¹ См. Jagić, *Mythol. Skizzen*, Arch. für slav. Phil., Bd. V, 9; Krek, *Einl. in die slav. Literaturgesch.*, 2 Aufl., 394; Горлев, *Слов.* 402; Brückner A., *Mitologia słowiańska*, 1918, с. 91—92.

было не мало, соответственного золотого идола.¹ Этот взгляд не может быть принят и за своей бездоказательностью, и за фонетической неоправданностью. Настолько же неприемлема недавняя попытка В. Д. Смирнова² выведения слова из турецкой формы *карши*, имени г. Кърчева (т. е. Керчи). Более правдоподобна была мысль В. Миллера, искавшего в персидском языке источник слова; Миллер именно источник слова признавал в авест. *hvae khšaeta*, пехл. *khāšēt*, парс. *qarset*, новоперс. *khvaršéd*.³ Существенно того же мнения держался акад. Корш.⁴ Однако наиболее близкий фонетически источник слова был указан еще Миклошичем. Таково именно осет. *chors* (*chors-u*), «gut». Оба эти объяснения,⁵ одинаково возможные, одинаково правдоподобные, позволяют во всяком случае с несомненностью думать об иранском общем происхождении имени Хорса, при чем наиболее близко в этом отношении в качестве возможного источника слова стоит осетинская приведенная форма *chors*.⁶

Признавая таким образом, что в основе имени Хорса лежит иранское, осетинское в частности, слово, необходимо ответить на два общие вопроса: при какой исторической обстановке могло произойти соответственное заимствование, и далее — каково же было значение Хорса, как мифологического начала. Первый вопрос не представляет трудностей. Древняя Русь, и именно южная ее полоса, находилась в длительных, еще с доисторической поры, культурных связях с самыми разнообразными народностями вос-

¹ См. Leger L., *La mythologie slave*, 118.

² Визант. Временник, т. XXIII (1923 г.), с. 71—72.

³ Взгляд на Слово о полку Игореве, 83.

⁴ Владимировы боги, Сб. Харьк. Ист. фил. Об-ва, т. XVIII, 53.

⁵ По поводу утверждения Аничкова (*Язычество и др. Русь*, 341), что имя Хорса есть «по мнению языковедов слово тюркского происхождения», следует, повидимому, думать, что в этом утверждении случайное недоразумение.

⁶ Здесь укажем на группу слов из кавказских языков, ценную в семасиологическом отношении и несколько подходящую в звуковом отношении к русской и осетинской форме хорсь-*chors*, оставляя открытым вопрос об их генетической связи. Таковы в грузинском *хегхі*—хитрость, искусство, в менгрельском *хегхі*, *шохегха* = умение, хитрость, *хегхеба* = уметь, нравиться и др.

тока. Можно в частности вспомнить повествование Летописи об ясах и касогах, с которыми имел дело еще Святослав (см. под 965 г.), с которыми южная Русь имела, конечно, и более ранние связи. Как известно, ясы являются как раз предками осетин (касогои — народность кавказского племени). Кроме того, может быть, позволительно было бы думать и о хазарах, как посреднике этого рода культурных связей, а с хазарами у Руси было особенно длительное и тесное культурное общение. При этом встал бы вопрос, не могли ли хазары оказаться и непосредственными проводниками интересующего слова на Русь. О хазарах принято говорить, как о народности тюркского происхождения.¹ Между тем это несомненно была народность очень сложного этнографического состава: в ней усматриваются и элементы финно-угорского, и элементы тюркского происхождения, и иные этнические вкрапления.²

Более трудный для разрешения второй вопрос о сущности Хорса, как мифологического начала. Большинство ученых в этом отношении единогласно признают в Хорсе синоним Дажьдбога, солнечное начало, только что считая его божеством позднейшего происхождения.³ Однако еще Ягич, считавший, между прочим, также Хорса синонимом Дажьдбога, обратил внимание на то, что собственно никаких данных в непосредственных свидетельствах памятников для такого понимания имени Хорса не имеется.⁴ Памятники в этом смысле никаких нитей для разгадки значения имени Хорса не дают. Это делает понятным, что, при общепринятости взгляда на Хорса как на божество солнца, все же у некоторых ученых, особенно в последнее время, поддерживается и скептическое отношение к такому пониманию имени Хорса.⁵

¹ Ср., напр., Ключевский, Курс русск. ист. I, 146 (3 изд.), и др.

² Грушевский, Исторія України-Руси, I, 462 (3 изд.).

³ См. Máchal'a Nákras 32, назв. соч. Krek'a, Корша, Niederle, Slov. starož. II, 1, 120 (2 изд.) и мн. др., такого же взгляда Потебня, Перетц, Сл. о п. Iг. 279, и др.

⁴ Archiv für slav. Phil. V, 7 и след.

⁵ Ср., напр., назв. соч. Leger, также Mansikka, Die Religion der Ostslaven I (1922), 265, особенно назв. соч. Аничкова, стр. 339—342 и Brückner'a, с. 90.

С принятием предложенного происхождения имени Хорса придется также заподозрить правильность общепринятого понимания Хорса, как божества солнца. С точки зрения значения осетинского *chogs* = хороший, значения, очевидно, вторичного, позднейшего, можно думать, что исконное его значение было «искусный», «хитрый», «ловкий» и под. В этом смысле можно думать, что и имя Хорса соответственно было олицетворением этих качеств. Не даром в Слове о полку Игореве, в известном месте, которое дает единственное упоминание о Хорсе, имя последнего в сложном поэтическом образе соединяется не с иным именем, как с именем Всеслава, этого опозитизированного «искусника» и чародея поэмы.²

Итак, согласно с изложенным, в основе имени Хорса лежит иранское (осет.) *chogs*. Слово было получено южною Русью в доисторическую пору, тогда, когда еще действовал в русском закон полногласия. Отсюда обязательная прарусская форма для слова *Хоросъ*. Эта форма слова и явилась непосредственным источником прилагательного *хороший*. Слово *хороший* представляло нормальную притяжательную форму прилагательного от *Хоросъ*, образование при помощи суффикса *-jo-*, и означало собственно — принадлежащий, свойственный Хоросу, откуда далее, с забвением Хороса, как реального имени божества, естественные значения — искусный, добрый, «хороший». Взгляд на происхождение слова *хороший*, как на имя прилагательное притяжательное, находит себе блестящее подтверждение в той особенности этого прилагательного, что оно, в течение всего длинного периода своего существования в русском языке как уже прилагательного, означавшего чистую качественность, не получило однако образований по степеням сравнения (сравнительной и превосходной): этому препятствовала исконная его принадлежность к категории притяжательных прилагательных, от которых не возможны образования по степеням сравнения.

² Ср. в Слове о п. Иг.: Всеславъ... самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до курь Тмуторокана; великому Хръсови, влъкомъ путь прерыскаше.

Предложенное объяснение происхождения слова нуждается в заключение в двух замечаниях. Если в основе имени Хорса лежит иранское (осет.) *chorst-*, то почему в показаниях древних русских памятников это слово пишется в виде *Хърсъ*, *Хръсъ*, *Хорсъ*, а не по ожидаемой норме как *Хоросъ*, ср. прил. *хороши*. На этот вопрос можно ответить следующим предположением. Необходимо прежде всего указать на то, что почти все источники, содержащие упоминание Хорса,¹ имеются в очень поздних рукописных списках, XIV в. и позднейших; только один памятник этого рода, так называемое хождение богородицы по мукам, принадлежит XII (или XII — XIII) веку, но и то — времени после исчезновения в русском языке редуцированных звуков (ъ, ь). Все это в известной мере затрудняет правильность расшифровки разнообразных правописных вариантов слова, представляемых отдельными источниками. Так написания памятников в виде *Хръсъ*, например в *Слове о полку Игореве*, естественно читать с гласным элементом перед плавным (ср. здесь же, в *Слове*, написания в роде *плъкъ*, *влъкъ*, *блванъ* и под.), но в так называемом *Мусин-Пушкинском* сборнике 1414 г. слово дается в форме *Хъросъ*,² что создает некоторую неуверенность и в расшифровке написаний типа *Хръсъ* памятников всюду и обязательно в виде *Хорс*. Помирить существование всех этих различных вариантов написаний слова в отдельных памятниках можно при одном естественном предположении, что слово в языке было уже мертвым, не связывалось с реальным конкретным представлением и подверглось искажению, при чем самое искажение слова в известной мере обуславливалось непосредственным влиянием письма, влиянием сложной графической системы старой русской письменности. В повести вр. лет по древнейшему *Лаврентьевскому* списку 1377 г. под 980 (6488) годом содер-

¹ См. их в различных, названных выше, сочинениях Крека, Нидерле, Аничкова (с. 249) и др.; особенно полны указания в последнем труде акад. Перетца, посвященном *Слову о п. Иг.* (с. 78).

² Срезневский, *Мат. для слов. др.-русс. яз.* III, стлб. 1426.

жится известное упоминание об идолах, в частности и о Хорсе, при чем последнее слово дается в форме — (род.-вин.) Хърса. Можно думать, что в первоначальном оригинале летописи, XI века, могла иметься правильная форма слова — Хороса. Но эта форма в дальнейшем, под пером позднейших переписчиков XII, XIII, XIV веков, в связи с общей осложнившейся с половины XII в. (после истории с редуцированными ъ, ь) системой русской графики, могла получить разные иные варианты, в роде Хоръса, Хъръса, Хъроса и под. Понятно, что эти графические варианты слова, бывшего мертвым в языке, должны были содействовать искажению первоначальной формы слова, что мы фактически и наблюдаем. Ср. в том же Лавр. списке летописи вариации написаний в роде Деревьска земля, Дервьска земля (л. 28), Деревляне и Древяне (часто), или Хрвате (л. 9), Хрвате (л. 4), даже Храваты (л. 20, дважды),¹ написание для г. Коростена — Коръстѣня (л. 28) и под. Нет никакого сомнения, что и интересующее слово в исконном его виде *Хорос*, как неживое слово, в значительной мере именно под общим графическим влиянием утратило свою первоначальную форму, а в позднейшее время под пером переписчиков еще более искажалось, о чем и свидетельствуют разнообразные его варианты, представляемые памятниками письменности.

Второе замечание о собственно русской форме прилагательного *хороший*. Она, следует отметить, по особенностям ударения содержит признаки древности. Согласно с изложенным, из исконного х б р с ѣ ожидалось бы на русской почве формы — х б р о ш ь для муж. р., х о р о ш а для ж. р., х б р о ш е для ср. р.; в членном виде слово, по известной схеме проф. Белича, должно было звучать в виде х о р б ш и. Ср. сербск. (чак.) м л а д, м л а д о, н о в ж. р. м л а д а, в членной форме м л а д и, то же в русском —

¹ По предположению проф. Г. А. Ильинского (Южнословенски Филолог, III, 29) в написаниях древних памятников хървате (хорвате) и хръвате (хрвате) отражаются два различные исконные образования темы; но это предположение недоказуемо.

мóлод, *мóлодо*, но в ж. р. *молодá*, в членной форме диал. *молó-дый* (известно в Новгород. и Псков. губ.). В современном русском таким образом должно констатировать известное отклонение от ожидаемой нормы в отношении ударения. Но это расхождение понятно: различные типы ударяемости в отдельных формах слова должны были подлежать известному выравниванию и уоднообразию. Так исконная форма муж. р. *хóрош* уступила место новой форме *хорóш* под влиянием членной формы слова *хорóший*; или ср. род *хорóш* заступил место старой формы *хóроше* под влиянием ж. р. *хорóшá*. Но, что в этих фактах отклонений от нормы содержатся вторичные, подновленные образования, свидетельствуют сохранившиеся нормальные соответственные формы, отчасти в украинском, особенно же диалектически в великорусском. Таковы — для муж. рода форма *хóрош*, отмеченная в Тотем. у. Волог. губ. (в значении сущ-го = любовник, см. Оп. обл. слов.); для ср. рода форма *хóроше* известна в украинском (рядом с *хорóш*), кроме того кое-где в северно-великорусском: *хóрошо* в Лужском у. (ноне *хóрошо* нажали, т. е. много), ср. еще в песнях — В добри *хóрошо* похожена (из Тихв. у. Новгород. губ., А. Г. О. XXIV, 30), Уж я не ладно приуладила, Ды не *хóрошо* удумала (из Пудож. у. Арханг. губ., Шайжин II, 40). Можно отметить еще одну диал. форму для ср. р. (в наречном значении) — *хорóше* в Вятск. губ. (Я таки ей *хорóше* наговорила, Доп. к Оп. обл. слов.); форма имеет вторичную ударяемость, обязанную влиянию членной формы прилагательного — *хорóший*.

Все изложенное можно резюмировать в следующем виде:

1. Слово *хорóший* по своему происхождению есть притяжательная форма имени прилагательного, образованная от существительного *Хорос*.
2. Последнее имя существительное иранского (осет.) происхождения.
3. Заимствование слова произошло в доисторическую пору и принадлежало южным группам русских племен.

4. В литературный русский язык слово проникло из южно-русской среды.

5 Следы наличности слова или производных от него образований в народном языке должны объясняться общим литературным влиянием на народный язык.

С. Обнорский.

31 марта 1928 года.

РАНИОН
НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

Том III

Издание Института

ЛЕНИНГРАД

1929